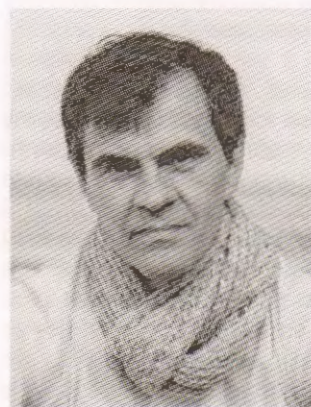

Сергей ГОГИН, журналист, поэт, руководитель литературной студии «Восьмёрка» при городской библиотеке №8.

ЧЕХОВ О ЛЮБВИ

«За внешним многообразием «трактовок» любви стоит вполне определенный, довольно грустный и пессимистичный взгляд автора на этот вопрос: на этом свете счастья нет, и счастливых людей нет, и счастливой любви нет. Люди пока недостойны счастья и неспособны быть счастливыми. Возможно, что когда-нибудь настанут новые времена, жизнь найдет более совершенные формы (в это верят многие чеховские герои), и вопрос о счастье и любви будет лишен определения «больной». Этот отрывок кочует из реферата в реферат, посвященный теме любви у Чехова, а рефератов этих в интернете великое множество, что говорит о том, что тема – Чехов о любви – благодатна. Она и обсуждалась на мартовском заседании литературной студии «Восьмерка».

В принципе, про любого писателя золотого века русской литературы можно с большей или меньшей долей уверенности сказать, что это «христианский» писатель и что понимание любви у него «христианское», найти в его произведениях «вертикальный смысл». Участник студии Дмитрий Сергеев, например, считает, что, несмотря на большое разочарование в русском православии, «Чехов сохраняет жажду духовного преображения и делает это именно в христианском ключе». Но любовь у Чехова – это разговор все-таки преимущественно о человеческой природе, включая ее телесную составляющую, которая не вуалируется «духовностью». В фокусе его писательского внимания – психология героев и отношений, потребность в любви и признании, все то, что могло бы стать иллюстрацией к тому или

иному разделу или направлению психологии. Художественная регистрация феноменов человеческой психики в отношении с Другим и со своим внутренним Я – никто не умел делать это лучше Чехова, цепкого созерцателя жизни. Если погрузить все движения души в религиозный фон, который был обязательным и повсеместным во времена Чехова, то мы получаем дополнительную степень глубины, хотя «христианским» мыслителем Чехова не назовешь, в отличие от Достоевского, допустим.

При всем психологизме, гуманистической основе этих рассказов они не перестают быть блестящей прозой. Особенности языка Чехова Сергеев, в частности, видит «в его отзывчивости, в умении принять в себя любой характер, в способности понять чуть ли не всех и вся, включая животных».

Чехов – образцовый для меня рассказчик, повествователь, знающий, как повествовать, удерживая внимание читателя, как высветить фигуру повествования, насытив и уплотнив его фон на первый взгляд незначительными, но на самом деле такими важными деталями. За этим видится и чувствуется огромный труд. В этом он непревзойденный писатель. Любопытна авторская позиция Чехова (нарратив). Он умеет повествовать так, что его повествование о любви вызывает доверие. Даже если он занимает позицию наблюдателя (рассказ от третьего лица), по определению не имеющего возможности «забраться» в душу героев, все равно ему удается описать психологические движения души достоверно и пронзительно. Но и герой, повествующий от первого лица, тоже действует как наблюдатель и хроникер своего чувства.

Ульяновская писательница Ольга Даранова сказала во время дискуссии, что Чехов эпичен в малом. Действительно, он мастер малой формы (рассказ, реже повесть), но в этой форме он демонстрирует высший пилотаж. Его малая форма открывает эпические глубины. При этом как рассказчик он ухитряется остаться неуловимым, незаметным, и это тоже высший пилотаж, литературная кротость высшего свойства.

Чехов – наблюдатель, а не моралист. Отсутствие назидательности – то, что отличает Чехова, то, что в нем привлекает. Его герои укоренены в своей среде, преимущественно мещанской, и если даже рвутся из нее, то невидимые цепи их держат. Им остается только мечтать о том, какая жизнь будет через двести лет, рассуждать о благородстве физического труда и – любить, томиться любовью, следовать призывам плоти и корить себя за это, изменять, стыдиться измен или примиряться с ними. «Вы – люди, вы хорошие, вы мучаетесь, но я понимаю вас, принимаю вас такими, какие вы есть», – словно бы говорит нам Чехов (так воспринимает его Ольга Даранова). У Чехова есть ответ на человеческие метания, и это ответ художника. Религиозную или научную истину он поверят истиной художественной или даже художественно-эстетической («В человеке все должно быть прекрасно»), и она для него выше прочих истин.

У Чехова нет счастливых любовей, и это его тоже отличает и характеризует как писателя и человека. Почему – об этом можно (и нужно) долго рассуждать. Но Чехов тем и ценен, что он никогда не затушевывал реальную картину, он ее описывал максимально точно и подробно, не делая окончательных выводов. Там, где Чехов не драматичен, он ироничен. Но нет у него ни одного рассказа о сусальной любви, разве что в «Душечке», но случайно ли, что рядом с ней не задержался надолго ни один из обожаемых ею мужчин?

Чехов-писатель самодостаточен, конгруэнтен себе. «Его рассказы глубоки настолько, что не нуждаются, на первый взгляд, в каком-то дополнительном объяснении. Каждый его рассказ как отдель-

ная полноценная жизнь. Но это только на первый взгляд. В какой-то момент, если уж фанатеть от Чехова, задумаешься: каким же образом возникает этот уникальный терапевтический эффект его прозы? За счёт чего?» – вопрошает Дмитрий Сергеев. Как версия, в правильной постановке вопроса, в точной диагностике состояния общества и нравов России конца XIX – начала XX века (оглянитесь кругом: если вычесть смартфоны и интернет, в социальном самочувствии общества мало что изменилось: кругом те же страдания, безысходность, несвобода, застывшая жизнь и выученная беспомощность). Но одного осознания оказывается недостаточно для перемен. «Все понимаю, но сделать ничего не могу», – словно говорят чеховские герои. И этот лозунг бессилия передается у нас из поколения в поколение как переходящее знамя. Почему? «Русский человек любит вспоминать, но не любит жить», – отвечает сам Чехов. «Мы все только говорим и читаем о любви, но сами мало любим», – он же. Осознание без деятельности, без практики осознаваемого, без контактирования с реальностью, а не со своим представлением о ней ведет лишь к консервации выученной беспомощности, в том числе в отношениях.

Как отмечают исследователи, любовь в рассказах Чехова – это концепт, его составляющие – это любовь-воспоминание, любовь-долг, любовь-повторение и даже деяние, ведь герои у Чехова все-таки женятся, берут обязательства (или крест?), потому что так принято: полюбил – объяснился – попросил руки у родителей – и пожалуйста в церковь венчаться и грезить о вечном счастье – до первого стойкого разочарования в браке («Учитель словесности»). И здесь видится противоречие между этикой и эстетикой любви у чеховских героев: под венец идут, потому что влюблены (условие необходимое, но недостаточное, или наоборот – достаточное, но не необходимое?), потому что надо быть порядочным человеком, потому что это социально одобряемо (церковью и людьми), но где тут свобода, красота и подлинность чувства? Поэтому у Чехова есть еще один тип героя, который как черт от лада на бежит от брачных уз, отношений, любовей, и это, в некотором смысле, самый порядочный, рассудительный и осознанный человек: он не обременяет собой другого человека, ибо не чувствует в себе сил сделать другого (другую) счастливым. В первом случае этика отрицает эстетику, во втором – рассудок сопротивляется христианской и мещанской этике. Поэтому филологи и говорят, что «Чехов ставит под сомнение сложившуюся форму брака как устаревшую и нередко связывающую человека отношениями пустоты и несвободы».

Еще раз сошлюсь напоследок на Дмитрия Сергеева, который написал: «Что ни скажешь про Чехова – не будет полным. Он даёт духовную перспективу именно своей отзывчивостью и вниманием. Когда читаешь Чехова, возникает чувство, что он тебя слушает».